

Мерав Мак
Бенджамин Балинт

ИЕРУСАЛИМ
ГОРОД КНИГИ

Фотографии
Фредерика Бреннера

Перевод с английского
Александра Турова

{книжники}

МОСКВА
2024

УДК 930.85:02
ББК 78.33
Б20

Балинт, Бенджамин.

Б20 Иерусалим : Город книги / Бенджамин Балинт, Мерав Мак ; пер. с англ. Александра Турова. — М. : ИД «Книжники», 2024. — 328 с.: ил. + вклейка (8 стр.). ISBN 978-5-906999-93-1

По Иерусалиму составлена уже не одна сотня путеводителей, но книга Мерав Мак и Бенджамин Балинта занимает среди них особое место. Читателей ждет пленительное путешествие по тайным сокровищницам Иерусалима — его библиотекам и книжным собраниям. Чтобы рассказать историю города, где были воплощены в словах многие идеи, и поныне владеющие миром, авторы добивались разрешений осмотреть закрытые коллекции, побывали в недоступных для публики местах, увидели своими глазами уникальные рукописи и артефакты, встретились с десятками специалистов: хранителями и реставраторами, чиновниками и учеными. Итог их многолетней работы — огромный подарок всем любителям книг — захватывающая повесть о том, как люди тысячелетиями населяют Иерусалим текстами.

УДК 930.85:02
ББК 78.33

ISBN 978-5-906999-93-1

Переводчик благодарит Григория Казовского, любезно согласившегося просмотреть перевод и сделавшего ряд ценных замечаний.

Цветные фотографии Фредерика Бреннера публикуются с любезного разрешения автора и галереи Говарда Гринберга.

В оформлении обложки использована иллюстрация из Вормского Махзора (Вюрцбург, 1272)

The National Library of Israel, MS. Heb. 40781, Vol. II, fol. 73.

Center for Jewish Art Collection, available online as part of the National Library of Israel Digital Collection

© 2019 by Merav Mack and Benjamin Balint
Originally published by Yale University Press

© Туров А., перевод, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «ИД «Книжники», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ

9

ВВЕДЕНИЕ

СКРЫТЫЕ СОКРОВИЩА

15

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОЗДАНИЕ КАНОНА

27

ГЛАВА ВТОРАЯ

АРАБСКАЯ ЭРА

73

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СКРЕЩЕНИЯ

105

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ МАМЛЮКСКОГО ПОКРОВИТЕЛЬСТВА
ДО ОСМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ

129

ГЛАВА ПЯТАЯ
ДРАГОМАНЫ И ВОРЫ

149

ГЛАВА ШЕСТАЯ
МЕЧТАТЕЛИ И ПРОВИДЦЫ

173

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
СПАСЕНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

209

ЭПИЛОГ
ЗАТВОРЕННЫЕ ВРАТА

253

БЛАГОДАРНОСТИ

269

ПРИМЕЧАНИЯ

273

УКАЗАТЕЛЬ

303

ПРОЛОГ

Каждый по-своему воображает рай, мне же он с детских лет представлялся библиотекой*.

Хорхе Луис Борхес

Жители Иерусалима с древности питали общую страсть: любовь к письменному слову. Однако и по сей день бо́льшая часть письменного наследия города скрыта в библиотеках и архивах, доступных лишь немногим. Можно ли рассматривать Иерусалим, где ежедневно соприкасаются люди разных вер и культур, как город книги? Можно ли с помощью библиотек и текстов ухватить суть трагедий Иерусалима и его великолепия, рассказать историю города, в котором самые масштабные идеи человечества были облечены в слова и воплощены в поэзии и пророчествах?

Книги, при всей их недолговечности и неукорененности, — важные звенья в передаче культуры; впрочем, они нередко переживают своих владельцев. Средневековый еврейский поэт Моше Ибн-Эзра называл их «дорожными сумками мудрости». Общины Иерусалима, столь различные во всем, имели между собой и нечто общее — благоговение перед письменным словом, и каждая из этих общин пустила корни в почве земного Иерусалима. Каждый из этих «народов книги» организовывал свою память посредством письменного слова и искал в текстах собственные истоки и собственную аутентичность. И каждый из них по-своему наполнял Иерусалим собственными коллективными снами, которые затем сохранялись в библиотеках, брошенные в сундуки в виде обрывков, скрытые в переплетах изъеденных

* Перевод Бориса Дубина. — Сноски, обозначенные астерисками, принадлежат переводчику, если не указано иное. Авторские сноски обозначены арабскими цифрами и ведут в раздел «Примечания» на стр. 273.

червями фолиантов, возвращенные из изгнания и вновь спрятанные — библиотекарями, фальсификаторами или ворами. Если мы внимательно вслушаемся, то тексты города (и их хранители) помогут нам настроиться на Иерусалим — древний и современный, возвышенный и низменный — и ощутить связь с реальным городом и роковыми фантазиями, которые он продолжает вдохновлять.

Именно эту историю мы и попытались рассказать в нашей книге: это не систематическая история Иерусалима как такового, и тем более не политическая история, а эссе о том, как Иерусалим воображали, как его превращали в тексты и как эти тексты оказывались на полках библиотек. Мы не проводили самостоятельные исследования, не составляли каталоги и не отыскивали неизвестные рукописи в десятках архивов и библиотек, которые посетили: вместо этого мы обратились к историям самих коллекций для того, чтобы показать многомерную историю города во всем богатстве его культурных обменов и по-новому рассказать о том, как народы книги населили свой город книгами.

Как и город в целом, библиотека — это форма существования, порой весьма непростого. Постепенно мы пришли к выводу, что любая библиотека — организованная или неупорядоченная, самая скромная или самая почитаемая — есть не просто собрание книг, но вызов воображению, обращение к людям, местам и событиям, которые мы в действительности можем окинуть лишь мысленным взором. Библиотека, одновременно втягивающая нас в себя и отражающая, словно зеркало, позволяет нам преодолеть дистанцию между тем, что мы видим и что только хотим увидеть.

Иерусалим — город, созданный коллективным воображением, — породил и собственный способ исполнения желаний через литературу. Чтобы «прочитать» этот город, недостаточно воспринимать его книги как физические объекты: надо погрузиться в их содержание. Библиотека для нас не сводится к собранию томов, но предстает совокупной общностью текстов. Мы стремимся понять, как воображаемый, небесный город вдохновлял тексты, будь то молитвы, апокалиптические фантазии, путеводители или архитектурные планы, которые подчас оказывались далеко за пределами города, — чтобы рано или поздно вернуться и вновь воплотиться в реалиях земного Иерусалима.

Сражения между теми, кто притязал на Иерусалим со дня его основания, отразились и в битвах за их книги — а также в сражениях, которые велись на страницах этих книг (то же можно сказать и о многообразных формах заключения мира). Мы хотим узнать, как город сумел сберечь свою мудрость, несмотря на то, что языки пламени не раз пожирала его библиотеки и самую его память в ходе бесчисленных войн на протяжении трех с лишним тысячелетий.

Наконец, мы спросим себя, что Иерусалим может нам рассказать о трансформации технологий, с помощью которых творилось письменное слово и менялись его смыслы — трансформации столь же (а может быть, и более) значительной, как изобретение книгопечатания. В конце концов, нас интересует не только то, какого рода тексты создавал Иерусалим, но и какой образ Иерусалима создавали его тексты.

В поисках материальных свидетельств письменности мы бросим беглый взгляд на глубокие противоречия Иерусалима — города, расположенного между Востоком и Западом, на стыке древности и современности, на грани между насилием и благочестием. Напоенный памятью, Иерусалим — место одновременно реальное и воображаемое. Земной Иерусалим, суетная столица, пребывающая в упадке и постепенно разрушающаяся, связан в воображении с символами вневременного, горнего Иерусалима — города литургии и песнопений, «пула земли», места, осененного прикосновением Божества, города, который «не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его» (Откр. 21:23). Может ли взгляд на Иерусалим через его библиотеки, прошлые и настоящие, пролить свет на неизбежный разрыв между низменной реальностью и причудами воображения — а то и помочь преодолеть этот разрыв?

Иерусалим породил одну из величайших литератур мира, однако иерусалимские писатели, хотя и известны во всех концах земли, обычно не воспринимаются как особая литературная школа, а то, что все они — жители Иерусалима, не складывается в отдельный нарратив. Слава некоторых авторов настолько велика, что их связь с городом отошла на второй план: Давид, Соломон и Исаия принадлежат Библии; Иосиф Флавий, Блаженный Иероним и императрица Евдокия — культуре поздней античности; аль-Газали и Ибн Араби — суфийской

традиции; историки аль-Мукаддаси и Муджир ад-Дин — мировой историографии. Но именно из Иерусалима их писания разошлись по всем четырем сторонам света.

Древние цари и средневековые королевы Иерусалима стали частью нашей памяти не только благодаря их доблести в битвах или архитектурным памятникам, которые они воздвигли, но и благодаря текстам, которые они сочинили или вдохновили. Некоторые из их слов разжигали войны, другие побуждали к размышлениям о страдании и мире. В обоих случаях небесный Иерусалим оставил неизгладимый отпечаток на земном — и даже весьма провинциальном — городе, поскольку слишком часто последний превращается в экран, на который проецируются тысячелетние фантазии.

Царь Соломон, сын Давида, предположительно сочинил и записал эротическую поэму «Песнь Песней» именно в Иерусалиме, и хотя во многих иерусалимских библиотеках можно найти прекрасные экземпляры этой книги, ни один из них не украшен так богато, как рукопись, хранящаяся в библиотеке при эфиопской церкви Св. Филиппа. «Песнь Песней» повествует о Возлюбленной и ее неуловимом Возлюбленном, которые ищут друг друга: «Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви!» (Песн. 5:8)*. Кто же они — эти возлюбленные Иерусалима? И какими способами они стремятся овладеть предметом своей любви? Есть ли в этой любви ревность и чувство собственности, облагораживает ли она или, наоборот, лишает разума? И как далеко готов зайти Возлюбленный, чтобы добиться своего? В этой книге мы рассказываем истории иерусалимских библиотекарей-поэтов, а через них — по-новому — историю Иерусалима. Мы убедились, что настоящие возлюбленные Иерусалима — это хранители его записанных слов.

И не только слов. Часы, проведенные нами в городских архивах, помогли глубже понять роль других архивных материалов: фотографий, моделей города, различных артефактов. История этой метрополии монотеизма отчасти воплощена в визуальной форме. Древние

* Здесь и далее, если не указано иное, цитаты из Священного Писания и нумерация псалмов даны по синодальному переводу.

рукописи несут на себе следы бурного прошлого — и на двухмерных страницах наше воображение рисует трехмерные образы. Эти страницы часто разорваны, предельно хрупки, иногда на них даже видны пятна крови. Некоторым из этих листов случалось пересекать континенты или пережить геноцид. Визуальные свидетельства рассказывают истории, выходящие далеко за рамки содержания самих текстов. Не случайно среди первых объектов, изображения которых получил Генри Фокс Тальбот, изобретатель фотографии, были книги из его библиотеки. В этом смысле фото Фредерика Бреннера, приведенные в нашей книге, не просто иллюстрации — сколь бы красивы они ни были, — а самостоятельные высказывания, выступающие контрапунктом к нашему тексту.

Вот его фотография Армянской библиотеки рукописей (цв. ил. 1); от нее веет священной тишиной и таинственной строгостью. Здесь, словно в храме, всё дышит благоговением перед манускриптами, которые хранятся вдали от людских глаз. Но изображение одного-единственного раскрытого разворота внезапно разрушает эти чары: арочный проем окрашен лучами сверкающего *кароут**, наверху красуется павлин, а сквозь разрыв на странице пробивается Древо жизни (цв. ил. 2; изображения порталов, ведущих в рай, часто встречаются на титульных разворотах раннего Средневековья).

Другой пример — двойной портрет иерусалимского православного патриарха Феофила и архиепископа Аристарха, директора Библиотеки рукописей Патриархата. Бреннер рисует почти интимный образ двух мужей, склонившихся над страницей и погруженных в расшифровку тысячелетних греческих букв (цв. ил. 3). Помещение, в котором они находятся, напоминает скорее святилище: оно и в самом деле почти никогда не используется в качестве библиотеки, здесь нет ни столов для читателей, ни места для хранения вновь приобретенных рукописей. С помощью фотографии всего лишь одной страницы удалось высветить текст, пребывавший во мраке неизвестности.

Есть у нашей книги и еще один смысл: ее чтение — это своего рода *flânerie*, прогулка без определенной цели, во время которой стоит «заблудиться» в городе, чтобы лучше его узнать. «Пойдите вокруг Сиона

* Небесно-голубой (арм.).

и обойдите его», — говорит Псалмопевец (Пс. 47:13). Художник Пауль Клее однажды сказал, что рисунок для него — «просто линия, вышедшая на прогулку». В нашей книге идея культурной памяти выходит на прогулку по городу, который есть одновременно и точка раздора, и место умиротворения. Простые туристы, мы воспринимаем Иерусалим не в хронологическом порядке, а как хаос наслонений и парадоксов — с чем и сталкивается любой гуляющий по городу. Эти наслоения можно воспринять как визуальную грамматику сразу многих языков Иерусалима. У каждого города собственная логика прогулок, но лишь Иерусалим изобрел идею прогулки как паломничества по символическим «станциям». В этом путешествии нашими станциями были библиотеки и архивы; некоторые из них еще полны жизни, у других паломник останавливается редко.

Хотя наш рассказ в целом следует хронологии, мы не претендуем на историческую полноту. Чтение Иерусалима похоже на расшифровку палимпсеста — текста, написанного поверх другого, более древнего, причем этот последний не полностью стерт, ведь палимпсест не столько стирает память, сколько присваивает и перерабатывает ее. Мы пытаемся прочитать Иерусалим как книгу, написанную одновременно на многих языках; ее авторы обращаются друг к другу через столетия.

Иерусалим, как никакой другой город, обязан своим существованием силе слова. «Скажи, что Иерусалим есть»*, — писал Пауль Целан. Иерусалим можно уподобить стихотворению, которое было написано, а затем переписано, вновь построено и разрушено силами языка. Иерусалим, раскрывающий себя через язык, извечное место, где языки умирают — и вновь воскресают к жизни.

* Перевод Ольги Денисовой.

СКРЫТЫЕ СОКРОВИЩА

В последние несколько лет нам довелось распевать суфийские гимны в компании дервишей, сидеть в приемной хасидского двора вместе с десятками верующих, ожидающих встречи со своим ребе, добиваться аудиенций у патриархов и шейхов. Мы получили беспрецедентный доступ в святилища, ризницы и наглухо запертые архивы, где хранится под спудом литературное наследие Иерусалима. Мы восхищаемся преданностью хранителей этого наследия. Осознавая, что наша история в равной степени касается как самих библиотекарей, так и доверенных им сокровищ, мы отправились на поиски иерусалимских ключей — чтобы попытаться отворить и библиотеки, и сердца их хранителей.

Поначалу эти привратники и стражи встречали нас с подозрением, и вновь и вновь отказывали нам. Например, чтобы увидеть величайшую в Иерусалиме коллекцию исламских рукописей, хранящуюся в мечети Аль-Акса, нам пришлось обратиться за разрешением к самому шейху Аззаму аль-Хатибу, генеральному директору Исламского вакфа*, отвечающего за исламские объекты и святыни Иерусалима. Большую часть своего времени шейх разбирается с протестами против действий израильской полиции, ограничивающей доступ мусульман к местам молитвы, однако через несколько месяцев просьб

* Вакф — в исламском праве фонд, управляющий имуществом, пожертвованным частными лицами или государством на религиозные и благотворительные цели.